Корнелиус Голмо Даннуол осматривал зеленые травянистые равнины, окружающие его особняк, со своего личного балкона.

Перед его взором предстало несколько палаток, аккуратно расставленных по равнине. Каждая палатка была установлена настолько идеально, что казалось, будто их возвели профессиональные мастера.

Помимо палаток, среди полей были также разбросаны фиолетовые «прямоугольники».

Эти прямоугольники на самом деле были полками, состоящими из мужчин, одетых в пурпурную форму.

Всего их было 6000 человек.

За свою жизнь Корнелиус повидал множество армий и сражений, но ничего подобного он еще не видел.

Каждый полк двигался как единое целое, как если бы все они были единым целым, выполняя команду своего командира полка.

Каким бы ни был приказ, солдаты выполняли его с должной быстротой и без малейших колебаний.

Иногда Корнелиус мог смутно видеть, как они в унисон прикрепляют или отсоединяют острый металлический предмет от концов своих мушкетов, в то время, как в других случаях они быстро и плавно меняли свое построение.

Когда они этого не делали, они либо маршировали в унисон, либо перезаряжались, а затем одновременно стреляли из мушкетов, прежде чем продолжить действие.

Поскольку каждый мужчина беспрекословно выполнял все приказы и был так дисциплинирован, было очень трудно поверить, что все присутствующие солдаты раньше были простыми людьми, от фермеров до шахтеров, которые были набраны из различных городов, поселков и деревень, найденных на территории под контролем Даннуолов.

Если бы кто-нибудь сказал Корнелиусу, что из крестьянского отребья можно создать такую армию, Корнелиус рассмеялся бы им в лицо и отмахнулся бы от них, как от пьяниц.

Он был приятно удивлен, когда оказался неправ.

На самом деле, он утверждал, что профессионализм и дисциплина этих солдат соперничали или даже превосходили настоящих рыцарей.

Все это было конечным результатом усилий сына Корнелиуса. Имея это в виду, Корнелиус не мог не гордиться своим сыном; Максвеллом.

Если бы Корнелиус был честен с самим собой, он бы сказал, что изначально испытывал смешанные чувства к Максвеллу. С одной стороны, мальчик был вундеркиндом. Изучая навыки чтения и письма в очень молодом возрасте, он также обладает талантом читать и понимать информацию из любого текста, каким бы старым или неразличимым он ни казался.

Однако Максвелл также был бесцельным гедонистом. Раньше, он обычно просто бездельничал, время от времени разговаривая со своей семьей.

Корнелиус был рад, что Максвелл наконец нашел применение своим талантам.

Особенно теперь, когда прошло почти десять лет с момента последнего крупного наступления панишей.

Корнелиус знал об угрозе со стороны панишей.

Он понимал, что паниши могут начать наступление в любой момент.

Он также знал о том, каковы шансы Максвелла.

Но Корнелиуса это не волнует.

Он был горд узнать, что совместные усилия его потомков приведут к созданию новой ужасающей армии.

Ужасающая новая армия, которая либо в одиночку устранит угрозу со стороны Панишской Империи, либо погибнет в сиянии славы.

Если Корнелиус правильно помнил, то Максвелл назвал эту армию «пурпурной армией».

— Все еще любишь видом?

"Почему бы и нет?"

Корнелиус с радостью ответил голосу позади него.

Он никак не мог ошибиться в обладателе этого голоса. Ведь как можно забыть голос собственной жены?

«Это наше наследие, Мария».

Корнелиус раскинул руки перед собой, словно презентуя всю Аметистовую Армию своей жене.

«Так все будут помнить нашу семью. Было бы безумием, если бы я не гордился таким достижением. Даже если бы я не был непосредственно ответственен за это».

Вскоре Корнелиус почувствовал липкое, но успокаивающее ощущение губ, прильнувших к его щекам, прежде чем ощутить тепло рук, обвивающих его живот, и голос Марии, достигший его уха.

«Это достижение наших детей. наших детей, которых мы вырастили и воспитали сами».

Голос Марии был более успокаивающим, чем обычно. Может, из-за атмосферы, а может, Корнелиус слишком много выпил. Что бы это ни было, Корнелиус не возражал. Ему нравилось это ощущение в воздухе.

«Поэтому, как я это вижу, это такое же наше достижение, как и их».

«Мы даже не видели, как все это создавалось».

С губ Марии вырвался тихий смешок, когда она игриво обняла Корнелиуса за плечи.

Казалось, что она хотела сказать что-то еще. Однако, казалось бы, у нее не будет возможности

раскрыть свои мысли, по крайней мере, сейчас.

Внезапный стук в дверь его комнаты прервал их мгновение, прежде чем раздался изящный, хотя и нервный голос.

"Мой господин!?"

Судя по тону и хладнокровию голоса, Корнелиус догадался, что голос должен принадлежать одному из его рыцарей. Рыцарь, у которого, вероятно, были плохие новости.

«Я верю, что этот вопрос, требует твоего внимания».

Следующим голосом, который услышал Корнелиус, был саркастический шуточный голос его жены.

С коротким вздохом Корнелиус ответил рыцарю.

"Что такое?!"

Повисла короткая тишина, прежде чем раздался ответный голос рыцаря.

«Паниши идут».

...

На равнине стояла одна палатка, поразительно похожая на остальные.

Однако, несмотря на кажущуюся схожесть, она всё же отличалась.

Потому что именно внутри этой палатки Максвелл сидел на своем месте с картой известного мира, разложенной перед ним на столе. Он обхватил подбородок руками, словно глубоко задумавшись, глядя на карту. Рядом с ним стоял его первый лейтенант; Эрика Поллоров.

Что бы ни происходило в голове Максвелла, этого не знала даже Эрика.

Даже после того, как она лично сопровождала его в течение почти трех месяцев, она все еще почти ничего не знала о нем, кроме его поразительного военного таланта и небрежного внешнего вида. Однако любой, у кого есть хотя бы подобие человеческого мозга, будет опасаться того, что на самом деле происходит в его уме.

Невозможно было, чтобы кто-то, кто мог быть таким беспечным, но в то же время жестоко безжалостным и эффективным, мог считаться нормальным человеком.

Было бы нормально, если бы Максвелл выражал гордость от содеянного, либо скорбел и раскаивался из-за отнятых им жизнях.

Хотя он был еще молод, суровая серьезность тоже была приемлема.

Даже садистский восторг от осознания боли и хаоса, которые он создаст, более понятен, чем обычное равнодушие.

Он был настоящей загадкой.

Однако Эрика чувствовала, что в конце концов узнает правду о Максвелле... так или иначе.

— Опять погрузилась в глубокие размышления?

Мысли Эрики вскоре прервал тот самый человек, о котором она думала. Хотя он обращался к ней напрямую, его взгляд все еще был прикован к карте континента. Тем не менее, она все еще должна была ответить должным образом.

— Как вы и сказали, мой лорд.

Эрика не нашла причин лгать. Поэтому она решила рассказать ему правду с величайшим уважением. Как и ожидалось, Максвелл ответил своим небрежным тоном.

«Тогда я просто скажу, что надеюсь, что это будет что-то продуктивное. В конце концов, мне не нужны мечтатели в моей армии».

[Но разве ты сам не застрял в глубоких раздумьях?] Хотя мысли, подобные этим, крутились в голове Эрики, она все же знала, что не может произнести эти мысли вслух. Вместо этого она ответила так, как ожидается от заместителя генерала.

«Я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваше доверие, мой лорд».

Эрика услышала легкий смешок, за которым последовал легкий смех, вырвавшийся из уст Максвелла, прежде чем он продолжил.

— Ты действительно любишь повторять нечто подобное.

Максвелл пожал плечами, говоря это.

«Ты когда-нибудь задумывалась, почему я выбрал именно тебя из всех возможных кандидатов своим первым лейтенантом?»

Его вопрос сразу же застал Эрику врасплох, хотя она действительно задавалась вопросом, почему ее выбрали, она не думала, что Максвелл мог взять на себя инициативу.

«Я не могу знать, мой лорд».

"Понятно..."

Максвелл сделал паузу на мгновение, прежде чем задать другой вопрос.

"Скажи мне, какое знамя у твоего дома, Эрика?"

Хотя Эрика была сбита с толку намерениями Максвелла, ей все же нужно было сохранить свой благородный вид и ответить должным образом.

«Это лиловая лиса на сером фоне, милорд».

Максвелл повернулся к Эрике, когда ответил.

«И именно поэтому из всех возможных кандидатов тот, которого я выбрал...»

Максвелл поднял правую руку и указал на Эрику, говоря это.

Внезапно в разуме Эрики возникло своего рода откровение. Хотя она не была полностью в этом уверена, слабая лукавая улыбка на лице Максвелла и выражение его глаз давали ей ощущение,

что ее догадка была верна.

«Эй, Максвелл! У нас небольшая проблема!»

Однако вскоре ее мысли прервал Кромвель, ворвавшийся в палатку. Вскоре после этого последовал еще один, другой голос.

«Небольшая проблема у моей задницы, мне очень жаль, но я думаю, что это может быть нечто серьезнее, чем просто небольшая проблема».

Кейзвелл казался слегка раздраженным, когда тоже вошел в палатку. В ответ Максвелл лишь бросил короткое мгновение и безучастно посмотрел на двух своих старших братьев, прежде чем задать им вопрос.

"Ну... так ты мне скажешь, что это за проблема"

После того, как два брата переглянулись, именно Кромвель объяснил суть «небольшой проблемы».

«Мы получили сообщения о том, что наши отдаленные поселения на западе теперь оккупированы панишским экспедиционным корпусом».

«Это невозможно! А как насчет друсской коалиции? Разве они не должны противостоять панишам?»

Эрика не могла удержаться от того, чтобы заговорить, когда услышала объяснение Кромвеля. Хотя она уже догадывалась, как это возможно, она все еще цеплялась за слабую надежду, что, возможно, все не так плохо, как кажется. Однако Кейзвелл быстро разрушил ее надежды.

«Коалиция уже пала. Армия Гуззлоу была практически уничтожена, в то время как выжившие Орберны и Гилтфорты, прихрамывая, возвращаются в свои крепости и замки.»

Кейзвелл мрачно вздохнул, прежде чем продолжить.

«Пока мы говорим, около 10 000 панишских ветеранов уже идут в нашем направлении».

[10 000 паниардов?] Если бы не благородное обучение Эрики, она была уверена, что уже страдала бы от приступа паники. [Нас превосходят численностью почти 2:1! Как мы должны победить при таких шансах?]

Однако, когда Эрика взглянула на лицо Максвелла, она увидела нечто столь же шокирующее.

На лице Максвелла не было страха, как можно было бы ожидать. Это было даже не его небрежное, расслабленное выражение лица.

Но скорее лицо, полное волнения.

Как будто момент, которого он ждал, наконец настал.

С улыбкой сказал он.

"Ну, это чертовски вовремя."

<http://tl.rulate.ru/book/75717/2254241>